
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 1(091)

DOI: 10.25730/VSU.7606.21.043

Дискуссии об историзме в горизонте классики, «анти-», «пост-» и «мета» истории*

О. А. Власова

доктор философских наук, профессор кафедры истории философии,
Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0003-4881-3652. E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

Аннотация. Статья анализирует проблему историзма в контексте смены моделей исторического мировоззрения: от классики к «анти-», «пост-», «мета» истории. В работе используются новейшие отечественные и зарубежные источники, с опорой на которые концепт «историзм» рассматривается как концепт-путешественник, переходящий в различные науки и изменяющийся с течением времени. Уточняются смыслы понятия «историзм» в классической, неклассической и постнеклассической науке. Так историзм рассматривается в междисциплинарном и историческом контексте: в горизонтальных меж-научных и вертикальных временных связях.

Классический историзм анализируется в двух его смыслах: в широком – как временная связь истории и временная пространственность индивидуальности, в узком – как традиция немецкой историографии начала XX в. Показывается развитие историзма в широком и узком смыслах в различных гуманитарных науках: как общенаучного принципа гуманитаристики и как основания гуманитарной герменевтики. Анализируются сущность кризиса историзма и диалектическая пара «историзм – антиисторизм» как пара «телеологизм – релятивизм». Описываются теоретические и институциональные последствия кризиса историзма для гуманитарных наук.

Показана специфика историзма в постисторических и метаисторических исследованиях: в критике современного исторического мировоззрения, в новом прочтении истории и активном выводе на арену исторических отраслей: новой истории (литературы) и новой истории психологии. Обоснованы перспективы междисциплинарной контекстуализации историзма для гуманитарных наук. Сделан вывод о том, что исследование историзма в рамках основных конфигураций – классики, «анти-», «пост» истории, позволяет обратиться к фундаменту гуманитарных наук и их способам работы с собственной историей, а также по-новому оценить актуальные дискуссии о методологии гуманитаристики.

Ключевые слова: историзм, антиисторизм, междисциплинарность, гуманитарные науки, новая история, постистория, метаистория.

«Историзм»: концепт-путешественник

Во введении к недавно вышедшей коллективной монографии, посвященной историзму, Херман Паул и Адриан ван Вельдхейзен справедливо замечают, что, несмотря на популярность соответствующей исследовательской тематики, междисциплинарные контексты историзма так и остаются практически не изученными. Историзму посвящено огромное количество статей, не один десяток книг, однако контекст его анализа до сих пор остается всецело историческим и, более того, привязанным к узко специальным исследованиям академической традиции XIX–XX вв. «Несмотря на широкое хождение историцизма как полемического термина, исследований, прослеживающих, как историцизм перемещался между дисциплинами, нациями или конфессиями, на удивление мало. В то время как понятия «рационализм», «психологизм» и «нигилизм» вместе со всем диапазоном злоупотреблений ими становились предметом обширных исследований, таких исследований об историзме просто не существует» [27, р. 3–4].

© Власова О. А., 2021

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук».

Обзор традиционной и современной литературы, к сожалению, показывает справедливость этих неожиданных утверждений. Об историзме и историцизме написаны сотни статей, десятки книг. Однако, действительно, все они помещают его в контекст исторической науки (истории или философии истории) либо используют для обозначения узкой традиции немецкой мысли начала XX в. [14; 20]. В дискуссиях об антиистории его анализируют в отрицательной производной [15; 32], в последних работах по постмодернистской философии истории предпочитают не акцентировать эту терминологию и мыслить в других современных терминах [17; 18]. Отечественная традиция здесь идет в русле мировой [2; 6; 9].

Между тем во времена междисциплинаризации науки историзм может выступить одним из связующих терминов для гуманитарного поля, который соединит философию и историю, психологию и филологию, теорию культуры и политическую теорию. Диссертационные исследования унаследовали из советского прошлого фразу о методологии: «исследование опирается на общенаучные принципы: историзм...», однако часто это всего лишь магическая методологическая формула. Из неясного пережитка «диаматовского прошлого» историзм может стать продуктивным термином для настоящего, более того, он является таким продуктивным концептом, однако исследований, которые бы это показали, практически нет. То, что на это указывается в самых последних (хотя и единичных) западных работах, – не случайно.

Паул и ван Вельдхёйзен предлагают расценивать историзм как «переходящий концепт» (a travelling concept). Они заимствуют последний термин у теоретика культуры Мике Балл, которая в 1999 г. говорит о своеобразных «концептах-путешественниках». Эти концепты перемещаются в разные места – какие-то идут дальше, какие-то продвигаются совсем чуть-чуть, какие-то глубоко проникают в освоённые регионы, а какие-то кочуют по разным местам. Все они путешествуют «между дисциплинами, конкретными учеными, историческими периодами и географически не связанными академическими сообществами» [13, p. 22] (говорит она). Историзм, по мнению Паула и ван Вельдхёйзена, именно такой концепт, и было бы полезно посмотреть на «его путешествия по дисциплинам, странам и противоборствующим конфессиям» (например, из преимущественно протестантской интеллектуальной среды в католические учебники по философии)» [27, p. 5].

Контекстуализация историзма в рамках основных конфигураций разговора об истории – классики, «анти-», «пост-» и «мета» истории – позволит обратиться к основаниям гуманитарных наук и их способам работы с собственной историей. Это позволяет по-новому оценить все еще актуальные дискуссии о «новой» и «старой» методологии гуманитаристики.

Историзм как основание гуманитарных наук и его «анти» проблематизация

Трактовка историзма в рамках классической традиции более или менее непротиворечива. В широком смысле в рамках школы XIX в. историзм означал историческую ориентацию на конкретную временную пространственность индивидуальности [19, p. 130]. Эта историческая ориентация отличалась одновременно от философской, ориентированной на системность и вневременность, и естественнонаучной, нацеленной на эмпиричность и конкретность. По общему признанию исследователей, историзм в такой трактовке стал основанием исторической науки, способствовал ее институционализации, разработке ее методологии и теории. Особенно важным здесь стало представление о всеобъемлющей связности истории, поэтому историзм дополнялся теорией развития.

В этом классическом варианте историзм стал и одним из оснований тех гуманитарных наук, которые предполагали генетическое рассмотрение человека и культуры: философии, психологии, филологии, теории культуры, а позднее политической и социальной мысли. Именно в этой трактовке он закрепился как принцип историзма в системе методологических общенаучных принципов. В известном всем учебнике В. П. Кохановского с ориентацией на диалектическую картину мира историзм трактуется как «философский, диалектический принцип, являющийся методологическим выражением саморазвития действительности в плане его направленности по оси времени в виде целостного неразрывного единства таких состояний (временных периодов), как прошлое, настоящее и будущее» [3, с. 218]. В учебнике по философии науки под редакцией С. А. Лебедева историзм представляется уже в обновленной трактовке следующим образом: «Его смысл в том, что не могут существовать модели картин мира, свободные от идеологических, познавательных и телеологических влияний своей исторической эпохи» [10, с. 591]. Историзм активно обсуждается в рамках филологических исследований и теории литературы по формуле «историзм в произведениях...», а также в

языкознании, становится предметом работ по истории политической и социальной мысли, юриспруденции, археологии, библиотечному делу. Множество работ в отечественной традиции посвящено реализации принципа историзма в преподавании, причем не только гуманитарных, но и естественных наук.

В узком смысле классическая трактовка историзма связывается с традицией немецкой историографии начала XX в. и отождествляется с именами Ф. Майнеке, Э. Трельча, В. Дройзена. Необходимость трансформации историцистских оснований в те времена, как убедительно показывает Т. Пэддок, была связана с социально-политическими причинами и историческим обоснованием проекта Бисмарка [26]. Этот немецкий историзм отличался акцентированием уникальности культур и признанием необходимости развития человека. Кроме того, он развивался параллельно сходным трансформациям в естественных науках. Как подчеркивает Дж. Свитт, переосмысление историзма явилось общим методологическим поворотом того времени, заметным и в фундаментальной физике, и в истории [31]. Для этого поворота были характерны направленность на исследование уникальных конфигураций опыта на их собственных основаниях, а не систем в целом, отход от непрерывности и жесткого детерминизма, ориентация на релятивизм и уникальность.

Эта трактовка историзма закладывает основание для герменевтических исследований в гуманитарных науках. Связка «понимание уникальных феноменов на их собственных основаниях – воссоздание исторически уникальных систем» становится фундаментом исторического метода В. Дройзена [25]. Со времен А. Бека она ложится в основание герменевтики в теории литературы, а также благодаря В. Дильтею дает возможность понимающей интерпретации исторических феноменов в философии истории [21; 30]. Метод интерпретации – понимающей, структурной, впоследствии обращающейся к целостности феномена, – становится историцистским основанием гуманитарных наук. В неклассической филологии, философии, теории культуры историцистская по своей направленности герменевтика продвигает исследование уникальных конфигураций человеческого. Именно этот вариант историзма в конечном счете выступает основанием «научности» гуманитарных наук.

Однако ориентация на уникальность и такая опасная возможность релятивизма подрывает сами основания целостного исторического исследования. Историки, экономисты, философы очень рано, уже в конце XIX в., начинают говорить о «кризисе историзма». В теоретическом отношении он явился следствием отказа от веры в согласованность исторического процесса [19, р. 132–133]: стало понятно, что историческое исследование не столько показывает самобытность (европейской) культуры в ее специфическом развитии, сколько демонстрирует относительность культурных ценностей. Конец истории, кризис историзма, антиисторизм, провозглашенные в философии Ф. Ницше, в истории Э. Трельчем и прочих, стали выражением общих кризисных настроений культуры рубежа XIX–XX вв., и это настроение только усилилось в первой половине XX в.

Как указывают современные критики, в частности С. Тернер, слабость классической историцистской концепции состояла в возможности ее онтологического самоподрыва [32]. Признание развития как движущей силы обращало к релятивизму, и антиисторизм в своей онтологической концепции может быть интерпретирован как крайний релятивизм. Оппозиция «историзм – антиисторизм» в таком случае представляется как оппозиция «телеологизм – релятивизм». Поэтому, как справедливо подчеркивает Пол Кунц, антиисторизм не становится новой моделью, он всегда предполагается историзмом, а эти две ориентации находятся в диалектической связи [22].

Для гуманитарных наук антиисторицистские тенденции имели как теоретические, так и институциональные последствия. Если история как наука развилась, институализировалась благодаря историцистским тенденциям и практически ничего не потеряла в антиисторицистских спорах, то исторические отрасли гуманитаристики испытали на себе серьезные последствия деонтологизации в истории. Историзм классической науки первоначально мыслился как онтологическое основание «наук о жизни», которое могло бы гарантировать их научную объективность, сродни объективности естественных наук. Анти-историзм означал крах этого проекта и, следовательно, утрату историей философии, историей психологии, историей литературы, историей экономики и прочими историческими отраслями статуса пропедевтических, основополагающих или хотя бы важных. Особенно ярко эти тенденции были заметны в англосаксонской традиции, где позитивистские тенденции привели практически к отказу от исторических отраслей [7]. Эта институциональная антиисторицистская атака ак-

тивно началась в экономике в конце XIX в. как критика исторической школы экономики [34], она заметна в спорах об истории философии и философии, характерных для Франции и Германии начала XX в., в институциональном провале истории психологии и прочем. Возврат к этой проблеме и институциональная реабилитация исторических отраслей начинается только в последней трети XX в., с переосмыслением историцистских оснований науки.

«Пост-» и «мета» история: трансформации историзма

Историзм классической традиции, проблематизированный в диалектике «телеологизм – релятивизм» как концепт и область изучения, перешел и в постисторические исследования. Постистория не сняла и не отбросила проблем историзма, поскольку, отрицая классические формулировки историцистской проблематики, гуманитарные науки по-прежнему говорят о своих историцистских основаниях.

Формулировка «постистория» при этом обозначает состояние гуманитарных наук и мира после кризиса историзма, после утраты веры в согласованность истории и объективность ее прогресса, после погружения в тотальный релятивизм. Постистории не соответствует постисторизм, скорее, это состояние затяжного антиисторизма и релятивизма. При этом, что важно для исторических исследований, постистория есть состояние не отсутствия, а неверия в историзм.

Как подчеркивает Ж.-Ф. Лиотар, современная ему эпоха есть состояние недоверия к метанарративам, состояние отхода от представления о всеохватывающем, едином и согласованном историческом процессе [5]. Здесь больше нельзя ставить вопрос о кризисе историзма и конце истории, поскольку релятивизм антиисторизма исключает подобную постановку вопроса. Утрата истории и есть состояние постистории.

Постистория и постисторизм продолжают и радикализируют движение антиисторизма. Происходит то же, что и со всеми другими феноменами, которые мы видим в посткультуре: она не приносит ничего нового, не постулирует даже новое отрицание, только радикализируя старое. Ф. Анкерсмит, который метко усматривает классические корни современных установок культуры и науки и который не устает подчеркивать, что все «новые», «пост-» и «анти»истории современности есть лишь продолжение классической традиции, последовательно доказывает, что постмодернистская интерпретация истории есть лишь радикализация историзма и, добавим, предполагаемого историзмом антиисторизма. Анкерсмит называет составляющие постисторического мировоззрения: «Фрагментация исторического мира; деталь, которая больше не рассматривается как выражение бывшего целого; номиналистическая тенденция в отношении онтологии репрезентации – все эти постмодернистские взгляды уже представлены до постмодернизма в историзме. Историзм стоит посередине между спекулятивной философией истории и постмодернизмом» [1, с. 424].

В самой исторической науке радикальная деонтологизация истории приводит к отходу от большой истории к малой, от макро- к микроподходам [4; 8; 11]. Мы видим это во внимании к контексту, к жизни отдельных исторических личностей, к отдельным повседневным практикам культуры. Однако историцистская проблематизация не уходит с арены гуманитарных наук, она по-новому разворачивается в интеллектуальной истории и ее вариациях. Отсутствие историцистской онтологии не проходит бесследно для гуманитаристики, поэтому в критических работах тоска по историцистской модели интерпретации выражается в критике современного исторического мировоззрения, в новом прочтении истории и активном выводе на арену исторических отраслей, только теперь в их новом облике.

Одну из таких попыток мы видим в метаистории Х. Уайта, который, специально не обращаясь к концепту «историзма», тем не менее предлагает свое прочтение последствий деонтологизации истории и предельных антиисторичестских тенденций современности. Бич современного мира и исторической науки для него – гиперреализм и падение в иронию, неспособность современной истории стать посредником между реальностью и мифом. «Автор нигде не касается «кризиса» и того, как возрастающее осознанию исторической вариативности и многообразия может повлиять на сферу моральной достоверности. Скорее, для Уайта «кризис историзма» отмечает тот прискорбный факт, что в 1970-е гг., как и в конце XIX в., «академическая историография оказывается в тисках иронической перспективы» и не может развить продуктивного взаимодействия с воображаемым, надеждой и мифом» [27, р. 64], – подчеркивает Пол Херман и показывает, что метаистория Уайта как раз и есть попытка критической интерпретации и решения пресловутого «кризиса историзма». Тиски иронии не

позволяют гуманитарным наукам обратиться к прошлому и будущему, к идеалу, поскольку не работают с полем воображения и надежды, полностью оставаясь в рациональном поле иронии. Они не могут обратить свою интерпретацию к целостности и увидеть историческое целое культуры, возвыситься до уровня незыблемых моральных норм. Без воображаемого, по Уайту, невозможно развитие морального сознания, можно продолжить, невозможна историцистская и моральная онтология.

Невозможность возвращения к историзму и развития макроистории тем не менее не делает невозможными исторические проекты. И в 1990-е – 2000-е гг. мы видим развитие исторических отраслей в гуманитарных науках. Реализуя установки интеллектуальной истории, с ее вниманием к контексту, ориентацией на практики и личности, строят «новую» историческую методологию история литературы и психологии. «Новая история», обращаясь к литературному наследию, акцентирует контекст с выстраиванием интеллектуальных рядов и панорам, уделяя особое внимание политическому фону и властным отношениям, открывает новые незамеченные ранее агенты истории (маргинальные группы) и все теснее связывает историю с современностью [23]. Новая история психологии сохраняет контекст и пытается уйти от презентизма, переосмысляет старую концепцию прогресса, лишая современную психологию гегемонии по отношению к собственной истории [24; 33]. Благодаря развитию новых исторических отраслей гуманитарные науки обращаются к проблемам своей идентификации [12; 16; 29], возвращают себе исторические разделы, институализируют свои «истории» в университетах, запускают новые журналы, общества, образовательные программы.

В целом, как мы видим, проблематика историзма не сходит с гуманитарной сцены, она не уходит вместе с антиисторицистской или постисторицистской ориентацией. Те проблемы, которые вовлекает установка историзма как основополагающая для гуманитарных наук, вновь артикулируются в новом поле. Они способствуют переосмыслению науками своей истории и, что более важно, развитию исторических отраслей, интенсификации исторического сознания гуманитарных наук.

Характеризуя обрисованную перспективу развития проблематизации историзма, можно сделать ряд обобщений:

1. Историзм можно, вслед за историками Херманом Паулом и Адрианом ван Вельдхёйзенем, расценивать как концепт-путешественник. Он может выступить одним из связующих терминов для гуманитарного поля, который соединяет философию и историю, психологию и филологию, теорию культуры и политическую теорию.

2. В рамках классической традиции историзм в широком смысле означает историческую ориентацию на конкретную временную пространственность индивидуальности и предполагает представление о всеобъемлющей связи истории. Он становится основанием гуманитарных наук, которые предполагали генетическое рассмотрение человека и культуры (философии, психологии, филологии, теории культуры, а позднее политической и социальной мысли). В узком смысле классическая трактовка историзма связывается с традицией немецкой историографии начала XX в., которая отличается акцентированием уникальности культур и признанием необходимости развития человека. Эта трактовка историзма закладывает основание для герменевтических исследований в гуманитарных науках.

3. Направленность на уникальность и возможность релятивизма подрывала сами основания целостного исторического исследования. Следствием этого стало раннее развитие «кризиса историзма». В теоретическом отношении кризис явился следствием отказа от веры в согласованность исторического процесса, антиисторизм не становится новой моделью, но всегда предполагается историзмом, а эти две ориентации находятся в диалектической связи. Для гуманитарных наук антиисторицистские тенденции имели как теоретические, так и институциональные последствия: утрата историей философии, историей психологии, историей литературы, историей экономики и прочими историческими отраслями статуса пропедевтических и основополагающих.

4. Историзм классической традиции, проблематизированный в диалектике «телеологизм – релятивизм» как концепт и область изучения, перешел в постисторические исследования. В критических работах тоска по историцистской модели интерпретации выражается в критике современного исторического мировоззрения (Х. Уайт), в новом прочтении истории и активном выводе на арену исторических отраслей: новой истории (литературы) и новой истории психологии. Благодаря развитию этих отраслей гуманитарные науки обращаются к проблемам своей идентификации.

5. Контекстуализация историзма в рамках основных конфигураций разговора об истории – классики, «анти-», «пост» истории – позволяет обратиться к основаниям гуманитарных наук и их способам работы с собственной историей, а также по-новому оценить актуальные дискуссии о «новой» и «старой» методологии гуманитаристики.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Дёмин И. В. Философия истории в постметафизическом контексте. Самара : Самар. гуманитар. акад., 2015. 251 с.
3. Кохановский В. П. Философия и методология науки. Ростов н/Д : Феникс, 1999. 576 с.
4. Кочесоков Р. Х. Постисторический фактор в современной исторической науке // Кавказология. 2018. № 2. С. 12–29.
5. Лиотар Ж.-Ф. Заметка о смысле «пост» / пер. А. В. Гараджи // Иностранная литература. 1994. № 1. С. 54–66.
6. Махлин В. Л. Историзм: (К истории понятия) // Литературоведческий журнал. 2013. № 33. С. 5–24.
7. Поннер К. Нищета историцизма. М. : Прогресс, 1993. 185 с.
8. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М. : Кругъ, 2011. 560 с.
9. Руткевич А. М. Наследие историзма // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 36–70.
10. Философия науки / под ред. С. А. Лебедева. Изд. 5-е. М. : Академический проект, Альма Матер, 2007. 731 с.
11. Филюшкин А. И. Постмодернистский вызов и его влияние на современную теорию исторической науки // Топос. Философско-культурологический журнал. 2000. № 3. С. 67–78.
12. Ankersmit F. R. An Appeal from The New to The Old Historicists // History and Theory. 2003. Vol. 42. Pp. 253–270. DOI: 10.1111/1468-2303.00242.
13. Bal M. Travelling Concepts in the Humanities: A Rough Guide. Toronto : University of Toronto Press, 2002. 432 p.
14. Beiser F. C. The German Historicist Tradition. Oxford; New York : Oxford University Press, 2011. 600 p.
15. Bevir M. Historicism and Critique // Philosophy of the Social Sciences. 2015. № 2. Pp. 227–245. DOI: 10.1177/0048393114531370.
16. Danziger K. Psychology and Its History // Theory & Psychology. 2013. № 6. Pp. 829–839. DOI: 10.1177/0959354313502746.
17. Grumley J. E. History and Totality: Radical Historicism from Hegel to Foucault. London; New York : Routledge, 1989. 241 p.
18. Hamilton P. Historicism. New York : Routledge, 1996. 226 p.
19. Iggers G. G. Historicism: The History and Meaning of the Term // Journal of the History of Ideas. 1995. № 1. Pp. 129–152.
20. Jaeger F., Rüsen J. Geschichte des Historismus: Eine Einführung. München : C. H. Beck, 1992. 239 p.
21. Kluback W. Wilhelm Dilthey's philosophy of history. New York : Columbia University Press, 1956. 118 p.
22. Kuntz P. G. The Dialectic of Historicism and Anti-Historicism // The Monist. 1969. № 4. Pp. 656–670. DOI: 10.5840/monist196953437.
23. Levinson M. Reflections on the New Historicism // European Romantic Review. 2012. № 3. Pp. 355–362. DOI: 10.1080/10509585.2012.674269.
24. Lovett B. J. The New History of Psychology: A Review and Critique // History of Psychology. 2006. № 1. Pp. 17–37. DOI: 10.1037/1093-4510.9.1.17.
25. Maclean M. J. Johann Gustav Droysen and the Development of Historical Hermeneutics // History and Theory. 1982. № 3. Pp. 347–365. DOI: 10.2307/2505095.
26. Paddock T. Rethinking Friedrich Meinecke's Historicism // Rethinking History. 2006. № 1. Pp. 95–108. DOI: 10.1080/13642520500474857.
27. Paul H. Hayden White and the Crisis of Historicism. *Re-Figuring Hayden White* / Eds. F. Ankersmit, E. Domanska & H. Kellner. Stanford : Stanford University Press, 2009. Pp. 54–73.
28. Paul H., Veldhuizen A. van. Introduction: Historicism as A Travelling Concept / Historicism as A Travelling Concept / Eds. H. Paul, A. van Veldhuizen. London, New York : Bloomsbury Academic, 2021. Pp. 1–12.
29. Robinson D. N. Historiography in Psychology: A Note on Ignorance // Theory & Psychology. 2013. № 6. Pp. 819–828. DOI: 10.1177/0959354313499426.
30. Rand C. G. Two Meanings of Historicism in the Writings of Dilthey, Troeltsch, and Meinecke // Journal of the History of Ideas. 1964. № 4. Pp. 503–518. DOI: 10.2307/2708183.
31. Sweet G. «Historismus» and Experimental Philosophy // The Modern Language Review. 1995. № 4. Pp. 944–954. DOI: 10.2307/3733068.
32. Turner S. Not So Radical Historicism // Philosophy of the Social Sciences. 2015. № 2. Pp. 246–257. DOI: 10.1177/0048393114531372.

33. Watrin J. P. The «New History of Psychology» and The Uses and Abuses of Dichotomies // Theory & Psychology. 2017. № 69–86. Pp. 69–86. DOI: 10.1177/0959354316685450.

34. Wittkau A. Historismus. Zur Geschichte des Begriffs und des Problems. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1992. 237 p.

Discussions about historicism in the horizon of classics, "anti-", "post-" and "meta" history

O. A. Vlasova

Doctor of Philosophy, professor of the Department of History of Philosophy,
Institute of Philosophy, St. Petersburg State University. Russia, St. Petersburg.
ORCID: 0000-0003-4881-3652. E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

Abstract. The article analyzes the problem of historicism in the context of changing models of historical worldview: from classics to "anti-", "post-", "meta" history. The work uses the latest domestic and foreign sources, based on which the concept of "historicism" is considered as a concept traveler, passing into various sciences and changing over time. The meanings of the concept of "historicism" in classical, non-classical and post-non-classical science are clarified. This is how historicism is viewed in an interdisciplinary and historical context: in horizontal inter-scientific and vertical temporal connections.

Classical historicism is analyzed in its two senses: in the broad sense – as a temporal connection of history and the temporal spatiality of individuality, in the narrow sense – as a tradition of German historiography of the early XX century. The development of historicism in a broad and narrow sense in various humanities is shown: as a general scientific principle of humanitarianism and as the basis of humanitarian hermeneutics. The essence of the crisis of historicism and the dialectical pair "historicism – anti-historicism" as a pair of "teleologism – relativism" are analyzed. The theoretical and institutional consequences of the crisis of historicism for the humanities are described.

The specificity of historicism in posthistoric and metahistorical studies is shown: in the criticism of the modern historical worldview, in a new reading of history and active introduction to the arena of historical branches: new history (literature) and new history of psychology. The prospects of interdisciplinary contextualization of historicism for the humanities are substantiated. It is concluded that the study of historicism within the framework of the main configurations – classics, "anti-", "post" history, allows us to turn to the foundation of the humanities and their ways of working with their own history, as well as to re-evaluate the current discussions about the methodology of humanities.

Keywords: historicism, anti-historicism, interdisciplinarity, humanities, new history, posthistory, meta-history.

References

1. Ankersmith F. R. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and tropology: the rise and fall of metaphor]. M. Progress-Traditsiya (Progress-Tradition). 2003. 496 p.
2. Demin I. V. *Filosofiya istorii v postmetafizicheskom kontekste* [Philosophy of history in a post-metaphysical context]. Samara. Samara Humanitarian Academy. 2015. 251 p.
3. Kohanovskij V. P. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and methodology of science]. Rostov-on-Don. Phenix. 1999. 576 p.
4. Kochesokov R. H. *Postistoricheskij faktor v sovremennoj istoricheskoy nauke* [Posthistoric factor in modern historical science] // *Caucasus study – Kavkazologiya*. 2018. No. 2. Pp. 12–29.
5. Liotar Zh.-F. *Zametka o smyslah "post"* [A note on the meanings of "post"] / transl. by A. V. Garaji // *Inostrannaya literatura – Foreign literature*. 1994. No. 1. Pp. 54–66.
6. Mahlin V. L. *Istorizm: (K istorii ponyatiya)* [Historicism: (To the history of the concept)] // *Literaturovedcheskij zhurnal – Literary Journal*. 2013. No. 33. Pp. 5–24.
7. Popper K. *Nishcheta istoricizma* [Poverty of historicism]. M. Progress. 1993. 185 p.
8. Repina L. P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical science at the turn of the XX–XXI centuries: social theories and historiographical practice]. M. Krug (Circle). 2011. 560 p.
9. Rutkevich A. M. *Nasledie istorizma* [Heritage of historicism] // *Filosofiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki – Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 2020. No. 3. Pp. 36–70.
10. *Filosofiya nauki – Philosophy of Science* / ed. by S. A. Lebedev. Ed. 5th. M. Academic Project, Alma Mater. 2007. 731 p.
11. Filyushkin A. I. *Postmodernistskij vyzov i ego vliyaniye na sovremennuyu teoriyu istoricheskoy nauki* [Postmodern challenge and its impact on the modern theory of historical science] // *Topos. Filosofskokul'turologicheskij zhurnal – Topos. Philosophical and cultural journal*. 2000. No. 3. Pp. 67–78.

12. *Ankersmit F. R.* An Appeal from The New to The Old Historicists // *History and Theory*. 2003. Vol. 42. Pp. 253–270. DOI: 10.1111/1468-2303.00242.
13. *Bal M.* Travelling Concepts in the Humanities: A Rough Guide. Toronto : University of Toronto Press, 2002. 432 p.
14. *Beiser F. C.* The German Historicist Tradition. Oxford; New York : Oxford University Press, 2011. 600 p.
15. *Bevir M.* Historicism and Critique // *Philosophy of the Social Sciences*. 2015. № 2. Pp. 227–245. DOI: 10.1177/0048393114531370.
16. *Danziger K.* Psychology and Its History // *Theory & Psychology*. 2013. № 6. Pp. 829–839. DOI: 10.1177/0959354313502746.
17. *Grumley J. E.* History and Totality: Radical Historicism from Hegel to Foucault. London; New York : Routledge, 1989. 241 p.
18. *Hamilton P.* Historicism. New York : Routledge, 1996. 226 p.
19. *Iggers G. G.* Historicism: The History and Meaning of the Term // *Journal of the History of Ideas*. 1995. No. 1. Pp. 129–152.
20. *Jaeger F., Rüsen J.* Geschichte des Historismus: Eine Einführung. München : C. H. Beck, 1992. 239 p.
21. *Kluback W.* Wilhelm Dilthey's philosophy of history. New York : Columbia University Press, 1956. 118 p.
22. *Kuntz P. G.* The Dialectic of Historicism and Anti-Historicism // *The Monist*. 1969. No. 4. Pp. 656–670. DOI: 10.5840/monist196953437.
23. *Levinson M.* Reflections on the New Historicism // *European Romantic Review*. 2012. No. 3. Pp. 355–362. DOI: 10.1080/10509585.2012.674269.
24. *Lovett B. J.* The New History of Psychology: A Review and Critique // *History of Psychology*. 2006. No. 1. Pp. 17–37. DOI: 10.1037/1093-4510.9.1.17.
25. *Maclean M. J.* Johann Gustav Droysen and the Development of Historical Hermeneutics // *History and Theory*. 1982. No. 3. Pp. 347–365. DOI: 10.2307/2505095.
26. *Paddock T.* Rethinking Friedrich Meinecke's Historicism // *Rethinking History*. 2006. No. 1. Pp. 95–108. DOI: 10.1080/13642520500474857.
27. *Paul H.* Hayden White and the Crisis of Historicism. *Re-Figuring Hayden White* / eds. F. Ankersmit, E. Domanska & H. Kellner. Stanford : Stanford University Press, 2009. Pp. 54–73.
28. *Paul H., Veldhuizen A. van.* Introduction: Historicism as A Travelling Concept / *Historicism as A Travelling Concept* / eds. H. Paul, A. van Veldhuizen. London, New York : Bloomsbury Academic, 2021. Pp. 1–12.
29. *Pobinson D. N.* Historiography in Psychology: A Note on Ignorance // *Theory & Psychology*. 2013. No. 6. Pp. 819–828. DOI: 10.1177/0959354313499426.
30. *Rand C. G.* Two Meanings of Historicism in the Writings of Dilthey, Troeltsch, and Meinecke // *Journal of the History of Ideas*. 1964. No. 4. Pp. 503–518. DOI: 10.2307/2708183.
31. *Sweet G.* «Historismus» and Experimental Philosophy // *The Modern Language Review*. 1995. No. 4. Pp. 944–954. DOI: 10.2307/3733068.
32. *Turner S.* Not So Radical Historicism // *Philosophy of the Social Sciences*. 2015. No. 2. Pp. 246–257. DOI: 10.1177/0048393114531372.
33. *Watrin J. P.* The «New History of Psychology» and The Uses and Abuses of Dichotomies // *Theory & Psychology*. 2017. No. 69–86. Pp. 69–86. DOI: 10.1177/0959354316685450.
34. *Wittkau A.* Historismus. Zur Geschichte des Begriffs und des Problems. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1992. 237 p.